

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 134–141

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 134–141

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-134-141>, EDN: DLAQTD

Научная статья

УДК 316

Теория гражданского общества: а был ли мальчик?

Я. А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Аннотация. Статья посвящена теории гражданского общества, которая много лет является поводом для оживленных дискуссий в отечественном общественно-публицистическом и общественно-научном дискурсах. За последние примерно 30 лет в сфере изучения гражданского общества в российской социальной науке создан масштабный корпус текстов, который больше запутывает, чем проясняет ситуацию с его пониманием. Анализируется комплекс идей и понятий, заложенный в основу теории гражданского общества в ее развитии. Показано, что традиционно приписываемые к теоретикам гражданского общества Платон и Аристотель; Гоббс, Локк и Руссо; Кант, Смит, Гегель при ближайшем рассмотрении разрабатывали идеи, противоречащие или современному тренду его понимания, или друг другу. Дезавуировал идею гражданского общества Маркс, считавший гражданское общество голосом правящего класса. Больше ста лет, с середины XIX до 80-х гг. XX в., «гражданское общество» практически отсутствовало в научной и политической жизни. В научной литературе и СМИ за последние полстолетия распространилось множество определений и трактовок концепта «гражданское общество». В результате их обобщения складывается примерно шесть базовых толкований. Если рассматривать эти классификации в комплексе, то возникает когнитивный диссонанс: не могут под именем одного и того же социального объекта скрываться столь разные явления. То, что сегодня называют теорией гражданского общества, является нечетко определенным и разнообразным набором подходов. Гражданское общество рассматривается как особая область, которая должна быть признана, взлелеяна и защищена от регламентирования. Антигосударственный идейный пафос гражданского общества – это один из самых действенных таранов разрушения идейных основ государства.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, противоречия, теория-симулякр, антигосударственная абстракция

Для цитирования: Никифоров Я. А. Теория гражданского общества: а был ли мальчик? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 134–141. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-134-141>, EDN: DLAQTD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theory of civil society: Was there a boy?

Ya. A. Nikiforov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yaroslav A. Nikiforov, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Abstract. The article is devoted to the theory of civil society, which for many years has been the reason for discussions in Russian social and scientific discourses. Over the past 30 years, a large-scale corpus of texts was created in the field of studying civil society in Russian social science, which is more confusing than clarifying the situation. The complex of ideas and concepts underlying the theory of civil society in its development is analyzed. Plato and Aristotle; Hobbes, Locke and Russo; Kant, Smith, Hegel, traditionally attributed to civil society theorists, on closer examination, developed the ideas that contradict to either the modern trend of its understanding or, to each other. K. Marx disavowed the idea of civil society, he considered a civil society as the voice of the ruling class. More than a hundred years from the middle of the XIX to the 80's. of the XX centuries "civil society" was practically absent in scientific and political life. In the scientific literature and the media over the past half century, many definitions and interpretations of the concept of "civil society" spread. As a result of their generalization, approximately six basic interpretations are formed. If we consider these classifications in a complex, then a cognitive dissonance arises: such different phenomena cannot be hidden under the name of the same social object. What is today called the civil society theory is a vaguely defined and diverse set of approaches. Civil society is seen as a special area that must be recognized and protected from regulation. The anti-state ideological pathos of civil society is one of the most effective rams of destruction of the ideological foundations of the state.

Keywords: civil society, state, contradictions, theory-simulacrum, anti-state abstraction

For citation: Nikiforov Ya. A. Theory of civil society: Was there a boy? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 134–141 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-2-134-141>, EDN: DLAQTD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Много лет тема гражданского общества является поводом для оживленных дискуссий в отечественном общественно-публицистическом и общественно-научном дискурсах. В общественном мнении уверенно закреплялось убеждение, что гражданское общество чрезвычайно полезно и необходимо простым людям для поддержания и отстаивания собственных прав и свобод. Теперь в Конституции РФ есть статья, где правительству вменяется осуществление мер «по поддержке институтов гражданского общества» (ст. 14)¹. Олицетворением головного института гражданского общества сегодня в общественном сознании является Общественная палата России с собственным масштабным аппаратом, нормативной базой и прочими атрибутами солидного учреждения. Тем не менее, большинство граждан нашей страны до сих пор плохо представляют себе, что же это – гражданское общество. По результатам социологических опросов, лишь от 7 до 15 % респондентов считают, что оно в России существует, и практически никто не может внятно сформулировать, что же это такое [1]². Написаны сотни монографий, статей, изданы учебники, проведены многочисленные исследования, освоены огромные объемы средств грантов, правительственных и неправительственных. За последние примерно 30 лет в сфере изучения гражданского общества в российской социальной науке создан масштабный корпус текстов, который, к сожалению, тоже мало что может прояснить.

Вдохновленные новой для начала 1990-х гг. идеей, отечественные обществоведы принялись, во-первых, активно изыскивать в нашей истории ростки и зрелые кусты гражданского общества, во-вторых, затягивать в орбиту теоретизирования на заданную тему авторитетных мыслителей нашего прошлого и, в-третьих, обосновывать чрезвычайную значимость темы для всего народа и страны. И по всем трем направлениям

достигнуты невероятные результаты. Например, историки с удивлением узнали, что гражданское общество в России начало развиваться едва ли не в XVII в., но уж «с проведением Екатериной II политики “просвещенного абсолютизма”» [2, с. 61] – почти наверняка. Обществоведы обнаружили, что разработкой идейной базы гражданского общества занимались Владимир Мономах, протопоп Аввакум, М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев и большинство декабристов [3, с. 7]. Главным идейным посылом анализируемого дискурса стал несложный, но действенный НЛП-прием: «Гражданское общество невозможно без признания свободы в качестве абсолютной ценности в жизни человека. Свобода не может сохраниться в обществе, не стремящемся к справедливости. Такое общество обречено на раскол между теми, чья свобода подкреплена материальным благополучием, и теми, для кого она – синоним изнурительной бедности» [4, с. 96]. Все понятно: гражданское общество – гарант свободы, справедливости и богатства.

Конечно, далеко не все отечественные обществоведы очаровались прелестью «новой» парадигмы. Здравый голос предостережения звучал даже в самые благодатные для западориентированных интеллектуальных проектов времена: «Гражданское общество – это социологическая абстракция, представляющая собой проект существования буржуазного общества без национального государства, т.е. содержания без формы. Это общество мыслится основанным исключительно на индивидуальной идентичности – по ту сторону всех форм идентичности коллективной – этнической, народной, сословной, религиозной и даже национальной» [5, с. 137]. Но его или не слышали, или не хотели слышать. Однако сегодня смена социального контекста, кардинальное изменение геополитической ситуации все чаще заставляют сомневаться в уместности усилий по продвижению идеи гражданского общества в нашей стране. Публикаций стало на порядок меньше, а в оставшихся звучит скепсис: «...гражданское общество не является основным политическим институтом развития общества ввиду исторических особенностей и дифференциации политико-культурного пространства России» [6, с.90].

Возникает обоснованное недоумение, что не так? Нам этот путь не подходит в силу какого-то особенного менталитета и социального устройства или теория вообще негодная?

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2024).

² Что такое гражданское общество? // ФОМ : [сайт]. URL <https://fom.ru/TSennosti/12375?ysclid=tbjахсіуwi803427807> (дата обращения: 01.08.2024).

И первое, в чем требуется разобраться: какой комплекс идей и понятий заложен в основу теории гражданского общества. В ходе анализа и встает один из «проклятых» вопросов русского литературоведения – «а был ли мальчик»?

Возможно, если проследить развитие самой теории гражданского общества «ab ovo», станет понятно, что же в ней значимого и актуального.

И здесь нас ждет несколько интересных поворотов. Во-первых, исследователи не соглашались практически никогда ни со списком мыслителей, развивавших рассматриваемую концепцию, ни со временем ее зарождения. Во-вторых, любопытно, что в середине XIX в. интерес к ней полностью затухает на полтора века, а разгорается с новым пылом лишь в конце XX в.

Попробуем разобраться.

Большинство исследователей утверждают, что первая версия гражданского общества появилась у теоретиков греческого полиса Платона и Аристотеля на том простом основании, что они были первыми, кто ввел различие между частным и общественным, между жизнью гражданина в семье и его активным участием в жизни государства. Современные толкования гражданского общества основаны на тезисе о том, что люди живут в различных социальных сферах и ролях, объективная реальность которых и является основанием для выделения этих особенностей в отдельное социальное пространство. Однако Платон и Аристотель настаивали на том, что эти различия и даже уникальности следует рассматривать и понимать с точки зрения их общности. Они рассматривали политику как возможность человека подняться над непосредственными семейными и личными заботами. Публичная власть существует для того, чтобы граждане могли наиболее эффективно обсуждать вопросы, касающиеся общественного блага, которое может быть обнаружено только через общественные дебаты и действия. Предостережение Платона о том, что беспрепятственный индивидуальный интерес никогда не сможет обеспечить достаточную основу для справедливого общества, имеет важное значение для понимания сути вопроса. И Платон, и Аристотель охотно признают необходимость предоставления большего пространства социальному разнообразию, но при этом считают публичную власть, политику единственным способом поддержания общественного единства и основой цивилизации.

Средневековые социальные мыслители не занимались идеей гражданского общества, так

как сомневались в способности человека аккумулировать нравственные силы, необходимые для ассоциации в мирских делах. Тем более, христианские власти подчеркивали необходимость полного подчинения трансцендентной силе и добродетели Бога. В этом контексте определяющей является предложенная папой Геласием I концепция двух властей, которые правят миром, – церкви в трансцендентных вопросах и императору или гражданскому правительству в сфере вопросов мира, порядка и справедливости [7, р. 247].

Далее в списке теоретиков гражданского общества традиционно размещаются такие глыбы социальной мысли, как Гоббс, Локк и Руссо. Они, как считается, отстаивая идею естественного состояния и появления современного государства, рассматривали гражданское общество как этап социальной эволюции. Для Гоббса естественное состояние, при отсутствии могущественного государства (Левиафана), является состоянием постоянной войны всех против всех. В таких обстоятельствах жизнь индивидуума несчастна и непродолжительна. Согласно Гоббсу, человек для самосохранения решает добровольно ограничить свой суверенитет, создав гражданское общество, которое управляется Левиафаном в качестве абсолютного суверена. Благодаря этому впервые появился ряд прав, главным образом право на законодательство, правосудие, ведение войны и объявление мира, и были обеспечены обязанности по сохранению суверенитета, обязанность по отправлению равного правосудия, обязанность по равному налогообложению и многое другое. Именно этот момент и называется современными апологетами гражданского общества его рождением. Но если как следует разобраться, общественный договор в теории Гоббса создает гражданское общество и государство одновременно, он не различает их.

Несколько иначе рассуждал Локк. В его схеме люди изначально, еще в естественном состоянии, находятся в связях с другими, имея семью и, главное, частную собственность. Проблема заключается в отсутствии безопасности частной собственности, поскольку нет централизованной системы, которая могла бы ее охранять. В этой ситуации, предлагает Локк, важно, чтобы люди выходили из естественного состояния, оформляли общественный договор с правительством, который может обеспечить их благополучие в плане пользования частной собственностью. Существенное различие между

идеей Гоббса и Локка заключается в том, что социальный контракт Локка является двойным процессом, в котором сначала заключается контракт для гражданского общества, а затем возникает политическое общество. Таким образом, можно сказать, что формируется сначала гражданское общество, а потом правительство. Локк пишет, что «экономически обусловленная сфера прав собственности и частных потребностей ... может быть теоретизирована отдельно от правоприменительной власти государства» [8, р. 84]. Иными словами, в понимании Локка гражданское общество является специфическим видом политического общества, в котором права личности на частную собственность получают главенство над всеми остальными. И именно этот примат отделяет гражданское общество от политического общества и всех других форм ассоциаций и организаций.

В мысли Руссо гражданское общество находится где-то между естественным состоянием и состоянием войны. Для Руссо естественное состояние по своей сути не является ни плохим, ни хорошим для человеческого рода, но не имеет стабильности, которая необходима для выживания человека. И именно по этой причине Руссо концептуализирует идею гражданского общества и государства (по сути, не разделяя их) как дальнейшие этапы человеческой цивилизации. Для него стремление исполнить человеческий инстинкт самолюбования и желания достичь совершенства приводит к появлению семьи, общества, рынка и позже государства. Это стремление, наконец, привело к тому, что люди потеряли свою естественную свободу и обрели свободу гражданскую.

Кант использовал понятие «гражданское общество» в терминах общественной арены рационального, критического дискурса, где каждый человек рассматривает окружающих как партнеров, а не как объект агрессии. Немецко-российский философ считал, что мы должны думать о том, как другие могли бы извлечь пользу из наших действий, а не о том, как мы могли бы использовать их в своих интересах.

Адам Смит выступал за четкое отделение гражданского общества от политического, где гражданское является сферой самостоятельной экономической деятельности, которая должна быть оставлена свободной от вмешательства государства. Центральное место в идее Смита занимает саморегулирование в вопросах экономики. Смит навязал современному ему обще-

ству (и многим после) непоколебимую веру, что гражданское общество (свободный рынок) может обеспечить справедливое разделение ресурсов при условии, что оно останется свободным от вмешательства государства.

Самым масштабно эксплуатируемым современными апологетами теоретизированием на тему гражданского общества стали размышления одного из самых значимых социальных философов XIX в. – Гегеля. Главной его заслугой считается проведенный водораздел между государством и гражданским обществом: «...гражданское общество есть дифференциация, которая вступает между семьей и государством» [9, с. 228].

Особый восторг вызывает у современных приверженцев гражданского общества вырванная из контекста мысль великого мыслителя: «...в гражданском обществе каждый для себя цель, все остальное для него ничто» [9, с. 228], должностующая подчеркнуть исключительно индивидуалистический, антигосударственный характер базовой идеи. Гегель действительно утверждает, что общая воля должна исходить из воли личности. Но в его дискурсе гражданское общество представляет собой систему отношений, которая поддерживает и укрепляет общую свободу: «...особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу <...> сами определяют свои желания, воление и действие всеобщим образом и делают себя звеном этой связующей цепи» [9, с. 231]. При таком понимании в качестве отправной точки Гегель определяет гражданское общество как форму этической жизни, в которой субъективное и объективное сосуществуют в гармонии. Гегель уверен в такой возможности на том основании, что гражданское общество является воплощением отношений, основанных на взаимном признании прав себя самого и другого. Для Гегеля это становится системой актуализации идеи свободы, а гражданское общество – объективным воплощением этой актуализации. В концепции мыслителя гражданское общество представляет институты и структуры, которые учитывают взаимные права членов всего общества. Свобода исполнения эгоистичных желаний имеет универсальное измерение, поскольку благосостояние личности остается связанным с благополучием других: «...опосредствование потребности и удовлетворение единичного

посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей всех остальных, систему потребностей» [9, с. 233].

Самое неприятное для постмодернистского извода концепта «гражданское общество» начинается, когда Гегель переходит к практическим сюжетам его функционирования. По Гегелю, защита индивидуальных прав и собственности является основной обязанностью гражданского общества. Однако, как известно, суть в деталях. Видимо, сомневаясь в его возможностях в этой области, Гегель оставляет рычаги такой защиты в преимущественно руках государства: «...действительность содержащегося в этом всеобщего свободы, защиты собственности посредством правосудия; забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особому интересу как к общему с помощью полиции и корпораций» [9, с. 233].

Итак, что от Гегеля поднимается на щит современными трактователями теории гражданского общества: есть автономная сфера общественной жизни между семьей и государством, где господствует личная воля и частная собственность, формирующая приоритетные направления и тренды общественного развития. И что замалчивается: в этой сфере должно происходить слияние воли индивидуальных, согласование интересов во имя общего блага. А гарантировать эту деятельность вменяется государственным институтам правосудия и полиции.

И совсем дезавуировал концепцию гражданского общества Маркс. Его понимание логики капиталистического способа производства укореняет происхождение и жизнеобеспечение современного ему государства и гражданского общества с позиций материализма. Маркс утверждал, что государство является надстройкой, принципиально основанной на экономическом базисе: «...формы государства... коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII в., называет “гражданским обществом”» [10, с. 6]. И именно в этом контексте гражданское общество – это буржуазное общество, основанное на классовом неравенстве и капиталистическом способе производства. Для Маркса гражданское общество не только не является источником равенства, но выступает источником конфликта и ареной классовой борьбы. Маркс подчеркивал связь между экономическими интересами и политическими институтами. «Практическая потребность, эго-

изм, – вот принцип гражданского общества, и он выступил в чистом виде, как только гражданское общество породило из своих собственных недр политическое государство» [11, с. 410]. Акцентируя внимание на праве собственности, санкционированном гражданским обществом, он утверждал, что оно не способно выражать универсальные интересы общества в целом. «Отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека. <...> При господстве эгоистической потребности он может практически действовать, ...подчиняя ...свою деятельность власти чуждой сущности... – денег» [11, с. 412]. И именно по этой причине, как и капиталистическое государство, гражданское общество оставалось голосом правящего класса, и именно поэтому Маркс был убежден, что они оба обречены.

Больше ста лет, с середины XIX до 80-х гг. XX в., «гражданское общество» практически отсутствовало в научной и политической жизни. В этот период его вспоминали, скорее, иронично, скептически и даже цинично.

Но вдруг, как по мановению дирижерской палочки, начинается возрождение концепции. Многочисленные современные западные исследователи, объясняя ее восстание из пепла, ссылаются на комплекс предпосылок. Основной версией считается, что популярность концепции гражданского общества стремительно выросла в контексте дебатов о дефектном государстве, начатых в 1990-х гг. на Западе. Согласно этой концепции государство постоянно теряет способность продуцировать эффективные политические результаты, правительство утратило абсолютную власть в управлении, т.е. способность решать коллективные проблемы и обеспечивать эффективную публичную политику. Иерархический способ управления, воплощенный в правительстве, столкнувшись с интернационализацией экономик и взаимозависимостью национальных государств, сделал национальное управление решением проблем фактически невозможным. Возник разрыв между ожиданиями граждан и способностью государства к решению проблем. Растущие сомнения в способности государства выполнять свои задачи по управлению заставили политиков и ученых искать новый режим управления за пределами государства.

В научной литературе и СМИ за примерно полстолетия распространилось множество определений и трактовок концепта «гражданское общество».

В результате их обобщения складывается примерно шесть базовых толкований. В первом варианте все социальные объекты, что не относятся к государству, входят в гражданское общество: религиозные организации, культурные сообщества, клубы и другие подобные объединения. Во-вторых, гражданское общество может рассматриваться как сфера частной жизни против государственной (или общественной/публичной). В-третьих, это посреднический институт между государством и обществом в целом. В-четвертых, гражданское общество – это пространство, в которое вмешивается государство для формирования общественного мнения, таким образом, своего самостоятельного существования не имеет. В-пятых, гражданское общество является политическим форумом, ареной демократии и создает сообщество, объединяющее в себе широкие совещательные функции. Шестое – гражданское общество как экономический форум, своеобразный институт рынка.

Если рассматривать эти классификации в комплексе, то возникает когнитивный диссонанс: не могут под именем одного и того же социального объекта скрываться столь разные явления. И даже в рамках каждой отдельной интерпретации заложены непримиримые противоречия. То, что сегодня называют теорией гражданского общества, является нечетко определенным и разнообразным набором подходов. Его отличительным признаком является то, что он отдает предпочтение гражданскому обществу над всеми другими явлениями и сферами общественной жизни на том основании, что гражданское общество обеспечивает основополагающие условия свободы в современном мире. Эта теория оправдывает примат гражданского общества над социальной, политической и экономической сферами на основании его противопоставления государству в терминах противодействия жизни и смерти, деятельности и пассивности, одним словом, всего хорошего против всего плохого. Гражданское общество рассматривается как особая область, которая должна быть признана, взлелеяна и защищена от регламентирования. Теория гражданского общества – это не просто теория гражданского общества, а теория, которая отдает абсолютный приоритет гражданскому обществу.

Кому и зачем понадобилась принудительная раскрутка этого симулякра?

Навести на ответ может ситуация с «теорией гражданского общества Ю. Хабермаса». Среди западных пропагандистов гражданского общества любят записывать в свою компанию крупнейшего социального теоретика современности, но не очень внятно объясняют, за что. Рассуждения Хабермаса о жизненном мире, общественных дебатах, легитимации, которые трактователи пытаются упаковать в концепцию гражданского общества, на самом деле инициированы размышлениями о противоречиях и кризисных тенденциях, эндемичных для «продвинутого» или «организованного» капитализма. Вкратце: он утверждает, что основным противоречием капиталистического порядка остается частное присвоение государственных богатств; подавление генерализируемых интересов через отношение к ним как к частным. Вследствие этого политические решения, отражающие существующий организационный принцип общества явочным порядком, не признают рационального консенсуса. Иными словами, проблема заключается в том, как распределить социально производимое богатство несправедливо и, тем не менее, законно. Проблема, возникшая в кризисе легитимации, становится для Хабермаса вопросом: каким образом на данном этапе развития при данном состоянии производительных сил члены определенной общественной системы коллективно обязывающим образом проинтерпретировали бы свои потребности и какие нормы они признали бы справедливыми, если бы с достаточным знанием пограничных условий и функциональных императивов своего общества они могли и хотели бы в дискурсивном волеобразовании определять организацию общественных отношений? [12, с. 187]. Эта проблема не имеет решения без нового нормативного соглашения, которое может быть обеспечено только рациональным консенсусом. По сути, этот консенсус и есть его понимание гражданского общества. Концепция Ю. Хабермаса выламывается из прокрустова ложа, предложенного в конце XX в. социально-политического тренда. То есть антигосударственная направленность имеется, но эта направленность антикапиталистическая.

Антигосударственный идейный пафос гражданского общества – это один из самых действенных таранов разрушения идейных основ государства.

На щит поднят главный посыл концепции гражданского общества, сформулированный

одним из теоретиков борьбы американских колонистов против своего правительства: «...общество создается нашими потребностями, а правительство – нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же – отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое – это защитник, второе – каратель» [13, с. 21].

Возникает вопрос: о каком конкретно государстве сегодня идет речь? Современные западные исследователи откровенно признаются, что неожиданный ренессанс теорий гражданского общества «в 1980-х годах был тесно отождествлен с борьбой в Центральной и Восточной Европе против Советской империи» [14, р. 184]. «Кризис коммунизма в 1980-х годах в Восточной Европе был связан главным образом с восстанием гражданского общества против коммунистического государства» [15, р. 178].

У нас в стране победное шествие концепции гражданского общества, как считают западные исследователи, началось с интервью Шеварнадзе, министра иностранных дел СССР, одного из главных действующих лиц геополитической драмы разрушения Советского Союза. В газете «Гардиан» 3 апреля 1991 г. приведено его высказывание: «Мне кажется, что с исторической точки зрения мы движемся к формированию глобального гражданского общества, основанного на принципах права. Если это так, то стоило бы посмотреть, не можем ли мы подойти к международным проблемам и вызовам так же, как демократические системы» (цит. по: [16, р. 304]).

В течение десятилетий везде, где в СМИ, общественных обсуждениях, политических дебатах и научных дискуссиях начинается разогревание темы гражданского общества, одновременно начинается массированная атака на государственные структуры извне и снаружи, приводящая, как правило, к смене существующих институтов управления.

Эту связь нетрудно заметить, и беспокойство на этот счет звучит все чаще в кругах незападных политологов и социологов. «Гражданское общество как западный импорт имеет либеральную индивидуалистическую мысль в своей основе и, таким образом, несет в себе определенное нормативное наполнение, навязывается в качестве идеала для постколониальных стран, таких как Индия... Факт в том, что суще-

ствуют серьезные ограничения с этим понятием с точки зрения его значения и применимости за пределами запада» [17].

Хочется напомнить символические заявления «вестника апокалипсиса» так называемого французского философа Бернара Анри-Леви, появлявшегося с проповедями «демократии», «свободы» или «общечеловеческих ценностей» на протяжении последних 30 лет там, где вскоре начинались (на выбор) вторжение, нестабильность, переворот или война (Югославия, Чечня, Ирак, Грузия, Украина и т.д.): «Мы принесем ливийцам гражданское общество и демократию»³. Не надо напоминать, что стало с теми, кто в Ливии этого ждал. Еще пять лет назад, обращаясь к тем, кто ждет того же в России, он сказал: «Нам не нужны тролли, которыми манипулирует Кремль... Нам нужны читатели, журналисты, гражданское общество, вдохновленные искренней и подлинной волей к истине» [18].

Так, может быть, сегодня, когда мы уже практически по инерции продолжаем в названиях статей, монографий и конференций для звучности и поддержания тренда вставлять набившее оскомину «гражданское общество», будем более осознанно употреблять это понятие, тем более что, отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие, вполне оправданно продолжить фразу: мальчика-то и не было.

Список литературы

1. Лапишинова К. В. Особенности и проблемы становления гражданского общества в России // Социально-гуманитарные технологии. 2020. № 4 (16). С. 11–17. EDN: WIQMXJ
2. Углов С. А. Становление и развитие института гражданского общества в современной России // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 56–71.
3. Волков К. А. Особенности формирования гражданского общества в России в условиях глобализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 22 с.
4. Гончарова О. А. Концепция гражданского общества в философской и политической мысли России в XVIII–XX веках // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2010. № 2. С. 83–97.

³ Мы принесем ливийцам гражданское общество и демократию: Интернет-конференция Бернара-Анри Леви с читателями Le Monde, 25 марта 2011. URL: <https://inosmi.ru/20110325/167737974.html?ysclid=m6q3ieu6di630594337> (дата обращения: 10.11.2024).

5. Дугин А. Г. Социология глобального общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 133–143. EDN: PAVDFP
6. Кривцов А. О., Гнатышин И. Ю. Гражданское общество в современной России в контексте постмодернистских теорий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2015. № 5 (55) : в 2 ч. Ч. 2. С. 88–90.
7. Denzinger H. Compendium of creeds, definitions, and declarations on matters of faith and morals: A Compendium of Creeds, Definitions and Declarations of the Catholic Church. 43rd ed. / ed. by P. Hünermann, H. Hoping, R. L. Fastiggi, A. E. Nash. San Francisco : Ignatius Press, 2012. 1399 p.
8. Locke J. Two treatises of government. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. 464 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511810268>
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е : в 50 т. М. : Госполитиздат, 1955–1981. Т. 13. 771 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е : в 50 т. М. : Госполитиздат, 1955–1981. Т. 1. 698 с.
12. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М. : Праксис, 2010. 264 с. (Образ общества).
13. Пейн Т. Избранные сочинения / пер. с англ. А. С. Богомолова [и др.] ; под ред. М. П. Баскина. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 422 с.
14. Civil Society, Democratic Perspectives / ed. by R. Fine, S. Rai. London : Frank Cass, 1997. 172 p.
15. Karolewski I. P. Civil society and its discontents // Polish Sociological Review. 2006. № 154. P. 167–185.
16. Corry T. O. Global civil society and its discontents // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2006. Vol. 17, № 4. P. 302–323. <https://doi.org/10.1007/s11266-006-9025-1>, EDN: GPOBIJ
17. Chaturvedi S. Understanding Civil Society // Krishna Menon V. K. Political Theory and Thought: Western and Indian Traditions. URL: <https://ebooks.inflibnet.ac.in/psp07/chapter/understanding-civil-society/> (дата обращения: 11.09.2024).
18. Дугин А. Либерализм начал самоликвидацию // Завтра. URL: https://zavtra.ru/blogs/liberalizm_nachal_samolikvidaciyu?ysclid=m6q3n7ov4r93314499 (дата обращения: 05.08.2024).

Поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 12.03.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 12.03.2025; published online 30.05.2025